

(Lemerle, p. 129), а сейчас, к сведению автора, находится в собрании Эрмитажа, где она в течение многих лет экспонировалась на выставке византийского искусства.

Задачей статьи П. Лемерля является установление даты иконы, которую автор правильно определяет периодом между 1360 и 1370 гг. Следует отметить, однако, что икона датирована 1363 г. уже очень давно и фигурировала с этой датой как на выставках Русского музея (см., напр., А. П. Смирнов. Памятники византийской живописи, Л., 1928, стр. 15, рис. 3, где говорится о том, что эта икона — вклад великого стратопедарха Алексея и великого примикирия Иоанна — «ценна своей относительно точной датой 1363 г., года построения вышеупомянутыми магнатами монастыря Пантократора на Афоне, куда была ими пожертвована»), так и на выставках Эрмитажа (см. Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Вып. 1, Л., 1935, стр. 462 или «Путеводитель по залам отдела Востока». Л., 1939, стр. 142).

Еще гораздо раньше Н. П. Кондаков отказался от своей прежней датировки иконы XV в., из опровержения которой исходит Лемерль, и отнес ее правильно к XIV в. («Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в.», СПб., 1906, стр. 76—77), хотя и не точно определил имена вкладчиков.

По тому же вопросу в том же 1906 г., после выхода книги Кондакова написал заметку G. Millet (*Dédicace d'icone*. BZ, vol. XV, 1906, p. 618—619), где уточняется как дата памятника — 1363 г., так и ее происхождение, в связи с правильным определением вкладчиков.

Следует также указать, что едва ли есть основания (как это делает Лемерль на стр. 129) сомневаться в том, что и на левом поле иконы, где сейчас сохранилась лишь надпись, в свое время имелось изображение второго вкладчика.

Все изложенное приводит к выводу, что П. Лемерль повторил уже давно проделанную работу и отверг много лет назад отвергнутую дату этого выдающегося памятника византийской живописи.

Зав. Византийским отделением Эрмитажа *А. В. Банк*

M. PALLASSE. ORIENT ET OCCIDENT. A PROPOS DU COLONAT ROMAIN AU BAS-ETPIRE

Lyon, 1950, p. 93.

Как ни много посвящено работ римскому колонату, проблема эта все еще привлекает внимание. Это вполне понятно, так как, в зависимости от того, как она освещается, определяется и отношение того или иного исследователя ко всему периоду поздней Римской империи. Только вскрыв характер эксплуатации колоннов, ее сходство и отличие от эксплуатации рабов, можно отдать себе отчет в причинах изменения государственных форм Римской империи, ее идеологической надстройки, а главное, в том новом, что определило грандиозный размах революционных движений в последний период существования античного мира. Работы некоторых советских античников позволяют предположить, что, в связи с развитием колоната, уже к концу III в. класс рабовладельцев превратился в класс крупных землевладельцев полурабовладельческого-полукрепостнического

типа, ставших опорой домината, и что, с другой стороны, им теперь противостоял впервые сложившийся широкий революционный фронт, возникший благодаря тому, что крепостнические отношения объединили в одну сплошную массу все трудовое население империи¹, до этого разделенное в силу противоречий между рабами и свободными, гражданами и перегринами и т. п. Вопросы этого рода, являющиеся основными для историка-марксиста, не стоят перед буржуазными учеными. Для них характерен отрыв проблемы происхождения и эволюции колоната от общих проблем экономики, политики, классовой борьбы поздней империи. Характерен для них также чисто юридический подход к колонату, взгляд на него как на результат исключительно законодательного творчества государства, не связанного с теми или иными слоями правящего класса и действующего исключительно в абстрактных государственных интересах.

В результате развития этой концепции на Западе за последние 10—15 лет установилось мнение, что колонат оформлялся и эволюционировал только под влиянием фискальных соображений государства и развития учения об *origo* — месте происхождения, к которому прикреплялся каждый подданный империи для наилучшего обеспечения выполнения им государственных повинностей.

Эти же принципы положены и в основу рецензируемой работы, автор которой в предисловии пишет, что его целью было проследить влияние налоговой реформы Диоклетиана на колонат (стр. 12). Он основывается на работе А. Делеажа², который, по его мнению, путем сопоставления различных источников, выяснял, каковы были особенности земельной и подушной подати в различных областях империи.

Кроме того, Палласс ставит перед собою другую задачу — показать, как отличие в положении колонов в западной и восточной половине империи повлияло на общую структуру и дальнейшие исторические судьбы этих областей.

Вопрос этот, бесспорно, очень важен, но автор не смог его разрешить, так как он берет проблему колоната изолированно, вне связи с реальным соотношением сил, с общими закономерностями исторического развития, рассматривает колонат только как государственное установление и отвергает почти все источники, кроме юридических. Он и не пытается выяснить классовую природу домината, считая, что целью этого политического режима была лишь наилучшая защита империи от внешних врагов и забота о благе подданных. Таким образом, автор становится в ряды тех, кто защищает «... эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех...»³ А с такой позиции, конечно, важнейшие вопросы о взаимоотношении базиса и надстройки разрешены быть не могут.

Во введении к своей книге Палласс пишет, что, согласно господствующей (конечно, среди буржуазных историков) точке зрения, разница между Восточной и Западной империей объясняется большей или меньшей крепостью их финансовой и военной основы, которая определила и путь формирования колоната. Императоры, по его мнению, запрещали колонам покидать землю, исходя исключительно из финансовых и военных интересов государства. Они вынуждены были прикреплять колонов потому, что администрация империи являлась городской администрацией и не имела

¹ См., напр., С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948, стр. 692 и 734.

² A. Déleage. La capitation du Bas-Empire. Maçon, 1945.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 450.

возможности собрать налог с каждого отдельного крестьянина, так что это дело пришлось поручить хозяину земли, на которой крестьяне жили. Такая система взыскания налогов означала отказ государства от прямого управления подданными и предполагала дальнейшее развитие колоната и патрония. Но закрепощение колонов привело к тому, что неоткуда стало набирать рекрутов для армии, и это заставило императора ограничивать зависимость. На Востоке это им удалось, на Западе — нет, и все колонны там перешли в состояние серважа (см. «Введение», стр. 5—12).

Уже во введении бросается в глаза один из основных пороков рецензируемой работы — антиисторичность ее подхода к общественным явлениям. Автор не ставит вопроса, почему городской строй, который составлял основу ранней империи, перестал удовлетворять ее нуждам, почему город уже не мог быть основной административной единицей поздней империи. Он скользит по поверхности явлений, считая, что государство прикрепило колонов к земле, так как город был бессилён их контролировать. На деле и упадок городов и развитие колоната были результатом упадка рабовладельческого строя. Колоны закрепощались не потому, что города становились более слабыми, напротив: по мере того как в производстве колон сменил раба, города, бывшие коллективами земельных собственников-рабовладельцев, приходили во все больший упадок, так как крупный магнат поздней империи уже не нуждался в городской курии и стремился выделиться из нее, избавиться от повинностей и ограничений, которые она налагала на своих сочленов. Жившие на его земле колоны и клиенты разных категорий, в том числе и беглые куриалы, также порывали с городом и попадали в непосредственную зависимость от землевладельца, что способствовало дальнейшему ослаблению городов.

Таким образом, отлив населения из городов и с городских территорий и его концентрация в имениях явились результатом разложения рабовладельческого строя, бывшего основой античного города, результатом возникновения новых отношений и новых форм эксплуатации. Это был закономерный процесс, а не обстоятельство, созданное волей правительства; последнее могло только использовать или закрепить создавшееся положение. Однако автор рецензируемой работы, исходя из своего ошибочного представления о роли государства, не пытается исследовать более глубокие связи между наблюдаемыми им явлениями, не прослеживает их в развитии и не вскрывает их движущих сил.

Далее Паллас развивает свои положения подробнее. В гл. 1 («Колонат и налогообложение») он высказывает мысль, что главной политической линией императоров поздней империи было назначить каждому подданному «боевой пост» и заставить его и его потомство оставаться на этом посту. В частности, земледельца они прикрепляли к земле, что и повело к возникновению колоната (стр. 15). Для пользы империи император должен был, по мнению Палласа, сам эксплуатировать весь римский мир, не давая его эксплуатировать отдельным представителям знати. Это осуществлялось на императорских доменах, где рента с земли совпадала с налогом. В IV в. императоры оказались вынужденными даровать частным владельцам такие же права, какими обладали сами (стр. 16—17), но они пошли на это неохотно, так как опасались усиления власти земельных магнатов. Вынудили их к этому фискальные соображения (стр. 25). С этого времени начинается «борьба за колонов» между императорами и частными землевладельцами. Императорские колоны находились в привилегированном положении в силу привилегированного положения их господина. Местом их происхождения считался императорский домен, а обязанности их как колонов и подданных сводились к обязанности обрабатывать импе-

раторскую землю. Положение частного колона, арендовавшего землю на городской территории, было хуже, так как он еще оставался связанным с городом, что налагало на него дополнительные повинности (стр. 18—21). В этом смысле колон не отличался от крестьянина, так как *origo* того и другого был город. Сельское население на землях, не приписанных к городам, автор в расчет не принимает. Иначе говоря, он идет за теми историками, которые, смешивая тенденцию развития империи с конечным результатом, считают, что все земли империи были переданы городам, хотя на самом деле эта тенденция не осуществилась. Важный вопрос о сохранившихся в империи общинах и о их роли в формировании колоната он даже не ставит.

Различие в обложении городского и сельского населения, пишет далее Палласс, имело смысл только там, где городское население занималось ремеслом и торговлей. Поэтому подушная подать, связанная с поземельной податью, существовала, по его мнению, только на Востоке, за исключением Египта. Такое разделение налогов предполагало и строгое прикрепление крестьян к земле, к которой они были приписаны по цензу, запрещение им уходить в город. В этом смысле законодательство, и прежде всего закон Константина от 332 г., не делало различия между колоном и крестьянином. Утверждение это автор ничем не мотивирует. Закон ясно говорит о колонах в собственном смысле, тогда как крестьяне в законах Константина и его ближайших преемников называются *rustici*, *plebs rustica*, *rusticitas*; смешение этих понятий происходит лишь позднее. По мнению Палласса, и те и другие считались колонами, прикрепленными по своему *origo* и цензовой приписке, — *coloni originarii*. Однако между ними различались колонны свободные и колонны зависимые. Под свободными колонами автор подразумевает крестьян.

Это отождествление крестьян с колонами делает рассуждения Палласса во многом путанными и заставляет его, как мы увидим дальше, тенденциозно толковать источники. Закрепощение сельского населения он рассматривает скорее как единый акт, нежели как длительный процесс, каковым оно являлось на деле. Ведь именно за счет свободного крестьянства в значительной мере пополнялось число колонов. Но для Палласса колонны — лишь пассивная масса, за которую борются императоры и магнаты. Кстати, даже эта борьба обрисована им путанно и неясно, так как он не видит разницы между императорскими колонами и крестьянством; не видит он разницы между колонами и военными колонистами, между земледельческим населением сельских и городских территорий. Все внимание он уделяет упоминающимся в кодексе категориям колонов, разница между которыми на практике вряд ли была очень велика, и пренебрегает рассмотрением как фактически существовавшего различия между разными категориями земледельцев, так и той борьбы, которую они вели против закрепощения. Главным двигателем исторического процесса для Палласса остается «сила государства». На Востоке, по мнению Палласса, администрация была достаточно сильна, чтобы сохранить значительную часть колонов под своим собственным управлением, а власть частных хозяев над колонами непрерывно контролировать. Напротив, на Западе подушная подать, не связанная с податью поземельной, охватывала равно и городское и сельское население и, следовательно, сама по себе крестьян к земле не прикрепляла. Поэтому, стремясь привязать крестьянина к земле, императоры на Западе тем более обращали внимание на его *origo*. А так как на Западе домены превалировали над селами, крестьянин и колон прикреплялся к домену и попадал в полное подчинение к господину домена. Итак, говорит Палласс, в силу того, что на Западе императоры не смогли создать удовлетвори-

тельную систему ценза, они оказались бессильными контролировать взаимоотношения землевладельца и колона (стр. 25—35).

На различие в положении колонов Запада и Востока, по мнению Палласа, повлиял также и самый способ сбора налогов. На Востоке, где курии были сильнее и могли сами осуществлять сбор налогов, превращение колонов в зависимое сословие шло медленнее. На Западе полный упадок курий предопределил необходимость поручить сбор налогов исключительно поссессорам. А это в свою очередь усилило зависимость колонов от землевладельцев (стр. 36—37). Особенно старалось правительство, пишет Паллас, защищать тех колонов, которые имели свою собственность и были записаны в ценз под своими именами, и, в связи с этим, пыталось возродить активность курий и оживить деятельность дефенсоров (стр. 40). Здесь под колонами автор, очевидно, подразумевает именно крестьян, но, отождествляя их с колонами, запутывает вопрос. О правовой защите собственности колона в обычном смысле этого слова мы ничего не знаем; напротив, постепенно она стала рассматриваться почти так же, как пекулий раба. Сохранить свободное крестьянство правительство, действительно, пыталось, так как бюрократический аппарат был заинтересован в поступлении выплачиваемых крестьянами налогов, а городские курии стремились включить в свой состав более зажиточных крестьян, владевших участками свыше 25 югеров, и заставить их нести муниципальные повинности. Но эта «защита», повидимому, не всегда совпадала с интересами крестьян. Отождествление политики правительства относительно крестьян и колонов здесь совершенно неправильно.

Вторая часть главы I посвящена рассмотрению правового положения колонов. Здесь автор пишет, что ко времени Диоклетиана колоны уже из поколения в поколение пребывали на земле господина, от которого они зависели, как отпущенники от патрона. Но лишь значительно позже термин «колонат» стал обозначать определенное состояние, причем, снова повторяет Паллас, он равно включал и колонов, имеющих господ, и колонов, таковых не имеющих. На Западе вследствие недостатков господствовавшей там системы обложения колон, владеющей какой-либо собственностью, и колон, лишенный собственности, оказываются в равном положении, причем оно хуже, чем положение свободного плебея. На Востоке это различие сохранялось, причем борьба правительства против патроната была, с точки зрения Палласа, именно борьбой за сохранение мелкой собственности (стр. 45). В полную зависимость от магната попадали только те колоны или инквилины, которые не имели ничего своего. Только такие колоны распоряжались своим хозяйством не как собственностью, а как пекулием, только они не могли ничего продавать без разрешения господина, только они не могли судиться с господином, так как считалось, что интересы их не могут быть различны. Остальные же колоны, положение которых определялось исключительно цензом, контролировались государством и служили его интересам. Итак, по мнению автора, на Востоке только неимущие колоны были зависимы от господина, тогда как на Западе под власть землевладельцев попадали все категории колонов в равной степени (стр. 41—48). Эти положения автором не аргументированы: как я уже упоминала, мы не видим, чтобы в источниках проводилось разграничение между колоном, имеющим собственность и не имеющим таковой. Конечно, крупный арендатор, имевший собственные значительные имения, не попадал в положение обычного колона, но о таких сьемщиках здесь и не может идти речь.

В главе II автор рассматривает влияние военной организации на колонат. Он считает, что налоговая реформа Диоклетиана преследовала цель

создать из колонов резерв для армии, но это не удалось, так как, вместо того чтобы давать в армию колонов, владельцы их предпочитали вносить установленную за рекрута сумму. В конце концов колоны были вовсе устранены из армии. Зато на пограничных землях создается особая категория колонов, специально связанных с военной службой. Именно с созданием этой категории колонов автор связывает известные законы о колонах Палестины, Иллирика и Фракии. По его мнению, прикрепляя здесь колонов к земле, императоры стремились создать защитников этих стратегически важных областей. Паллас считает, что упомянутые законы направлены не на «укрепление колоната», а на борьбу с патрицием, так как императорам важно было сохранить определенную категорию людей, которых они могли бы использовать в армии. Автор видит в этих законах лишь заключительный этап мероприятий, принимавшихся императорами для защиты иллирийского крестьянства, и называет их «освободительной политикой», которая якобы была направлена на ограничение власти господ над колонами; последние, оставаясь свободными, должны были лишь обеспечить хорошую обработку земли и служить в армии. Они не попадали в личную зависимость от господина (стр. 50—59). Как я попытаюсь показать дальше, такой вывод основан на превратном толковании источников и обусловлен общими предвзятыми взглядами автора.

В главе III более подробно рассматривается развитие колоната в Восточно-Римской империи. В первой половине IV в., пишет Паллас, на Востоке были две большие категории колонов. Первая вырастала из военных нужд империи. К этой категории принадлежали пограничные военные колонисты и крестьяне Иллирика, Фракии и Палестины. Все они были прикреплены к земле по принципу *origo*. Возникновение второй категории было обусловлено фискальными интересами государства. К ней относились мелкие собственники и имеющие собственность арендаторы, прикрепленные к земле в силу приписки по цензу. Государство старалось сохранить эти две категории, не смешивая их с теми не имеющими собственности колонами-адскрипциями, которые, живя на земле господ, приближались по своему положению к отпущенникам и рабам. В отличие от них свободные колоны не зависели от господина и оставались подданными императора (стр. 61—69).

Глава IV посвящена вопросу о специфике колоната на Западе. Автор пишет, что восточный колонат, в основе которого лежали фискальные и военные интересы, предполагал наличие сильного государства. На Западе, вследствие того, что для крестьянина понятия его *origo* и господской власти совпадали, государство должно было разложиться. Здесь власть господина над колоном непрерывно возрастала и положение колона все более сближалось с положением раба. В Италии Теодорих не изменил этого положения, так как взимал подати через земельных магнатов. Иначе, пишет Паллас, ухудшение положения колонов объяснить невозможно. Вследствие этого всякий, живущий в пределах домена, оказывался в личной зависимости от господина. Точно так же, по мнению Палласа, развивался колонат в Галлии; хотя варварские завоевания привели и здесь к забвению законов IV в., необходимость собирать налоги через магнатов содействовала расширению власти господина и деградации колонов. По нормам бургундских и вестготских законов положение колона уже не отличается от положения раба. Колонам, как и рабам, запрещается заключать сделки без ведома господина, отчуждать что-либо из *пекулия* и т. п. В результате, по мнению автора, поздний колонат можно считать смягченным рабством. «Колоны, — пишет он, — были не классом, полезным государству, а классом

лично зависимым»¹. Изменения в положении колоннов могли бы наступить, думает автор, только в том случае, если бы колоннов снова, наряду со свободным крестьянином, стал нести военную службу и сам платить налоги. Тогда государство защищало бы его как свободного человека даже против его господина (стр. 70—89).

В заключение Палласс пишет, что колоннат, как явление социальное и экономическое, возник до Поздней империи, но как особый статус он был введен, чтобы обеспечить бесперебойное действие налоговой системы Диоклетиана. Колоннат, как юридическое и политическое понятие, не смешивается, по мнению Палласса, с колоннатом в его социально-экономическом аспекте. По мнению Палласса, императоры стремились сделать всех крестьян империи императорскими колоннами. Так как на Востоке они сумели создать более совершенную налоговую систему, привязывавшую земледельца к земле, им удалось сохранить там свободных колоннов. На Западе податное обложение само по себе земледельцев с их участками не связывало, и потому императорам пришлось прикрепить их к земле, согласно их месту происхождения, а так как большинство земледельцев рождалось в доменах, то они и попали под власть магнатов. В результате этого на Западе государство, лишившись крестьян-солдат и налогоплательщиков, распалось (стр. 90—93).

Таковы основные положения и выводы рецензируемой работы. Они особенно поучительны в том смысле, что показывают очень ярко пороки методологии буржуазных ученых в изучении вопроса о колоннате, поскольку здесь автор совершенно сознательно отказывается от «смещения» социально-экономических и политических явлений и воздвигает между экономикой и политикой непроходимую грань. Работа Палласса — также яркий пример того, что получается, когда историки «отрицают объективный характер законов науки...», когда они «смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу»².

Выше я уже приводила примеры того, как Палласс старается объяснить волей императоров, их юридическим творчеством такие явления, которые не зависели от чьей-либо воли, а были проявлением объективного процесса разложения рабовладельческого и становления феодального способа производства. Он не понимает, что люди «... не могут уничтожить их [объективные законы. — Е. Ш.] или создать новые экономические законы»³.

Отрывая политику от экономики, надстройку от базиса, Палласс, как типичный буржуазный автор, даже не задается вопросом о том, в интересах какого класса действовало правительство Поздней империи, издавая свои законы о колоннах; были ли эти законы реакционны или прогрессивны, какие из них соответствовали интересам передового класса, который, как указывал И. В. Сталин, всегда выступал «... знаменосцем использования экономических законов в интересах общества...», а какие выра-

¹ Конечно, Палласс не имеет здесь в виду ни рабовладельческой формации, ни рабовладельческого уклада, так как такие понятия ему совершенно чужды; исходя только из буквы юридических памятников, он не видит разницы не только между различными стадиями развития рабовладельческого общества, но и между положением в империи до «варварских» завоеваний и после них. И рабство и колоннат для него только юридические понятия.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 5.

жали интересы отживающих классов, которые сопротивляются историческому прогрессу. Ведь политика правительства Поздней империи в отношении земледельческого населения была во многом противоречива, так как определялась не абстрактными государственными интересами, а силой революционного движения масс и борьбой между различными группами эксплуататорских классов, из которых одни были связаны с отживающими формами рабовладельческого хозяйства, другие — с более прогрессивными формами хозяйства, приближающегося к хозяйству феодального типа. При изучении государственной политики относительно колонов этот момент особенно важен, но Палласс и не думает о нем. Для него не существует разницы не только между императорской властью в IV и V столетиях, в Восточной и Западной империи, но даже между империей и «варварскими» королевствами. Палласс повсюду видит только стоящее над обществом государство, конечной целью которого является не обслуживать интересы создавшего его класса, а собирать налоги и вербовать солдат. Отвлекаясь от экономического базиса изучаемого им общества, он не интересуется производственными отношениями людей, к которым И. В. Сталин относит: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение. . . ; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов»¹. Поэтому он легко смешивает различные социальные группы и положение их объясняет, исходя не из той формы собственности на средства производства, которую они представляли, а из того, какую политику относительно них проводило правительство. Соображения о том, как использовался в разные периоды, в разных областях и в разных типах хозяйств колон или раб, как влияла на положение колон и рабов классовая борьба и борьба внутри различных групп правящего класса, ему остаются чужды. Отрывая государство от его классовой основы, Палласс рассматривает его в качестве защитника всякой собственности, в том числе и собственности колона. Для доказательства этого он искусственно отождествляет колон и свободных крестьян, хотя и положение тех и других, и политика правительства в отношении тех и других были различны.

Обосновывая свои положения, автор очень произвольно использует и интерпретирует источники. Он не останавливается на вопросе о том, насколько юридические источники корректируются другими, насколько сами они последовательны или противоречивы, на что именно направлено острие тех или иных приводимых им законов. Источниками иного рода он пренебрегает, тогда как использование юридических источников часто или односторонне, или натянуто. Например, свое соображение о том, что императорских колон не принимали на военную службу, он подкрепляет следующим императорским рескриптом от 364 г. [С]. XI, 67 (68). 3]: «Рабы и колоны, а также их сыновья или внуки, или кто бы то ни был из наших имений или владений, которые тайно устремились на различные должности, да будут возвращены, даже если приняли присягу на военной службе». Ясно, что тут речь идет не о запрещении военной службы колонам, а о запрещении уходить на эту службу тайно, без ведома и согласия господина или управляющего имением. Другой пример: автор ссылается на рескрипт от 368 г. [С]. XI, 47 (48). 8¹ как на одно из доказательств того, что на Востоке были колоны, подчиненные господам, и колоны свободные. Однако на самом деле никакого различия между господскими и свободными колонами рескрипт не дает. Он гласит, что все беглые, нашедшие убежище

¹ Там же, стр. 73.

в чужих местах, должны быть возвращены. Если те, у кого они скрывались, зная, что это чужие беглые колоны, тем не менее использовали их к своей выгоде, т. е. если они заставляли их обрабатывать свои поля, пользуясь плодами их трудов и ничего им не платя, то с этих укрывателей следует потребовать подати. А если беглые, скрыв, что они являются чужой собственностью (*alieni esse viderentur*), поселились у кого-нибудь, как будто бы они были полноправными и свободными, и платили господам лишь часть плодов за обработку земли или получали плату за труд, — то подати надо взysкать с них самих, так как в данном случае имел место частный контракт. Где же тут противопоставление господских и свободных колонов? В обоих случаях говорится о чужих беглых колонах. Главная же мысль эдикта состоит в том, что надо различать, как использовали беглых принявшие их господа, кто извлек доход из создавшегося положения и кто, следовательно, должен оплатить подати за то время, пока это положение продолжалось. Напротив, свободные упоминаются в таком смысле, что они могли бы и заключить соответственный договор, и беспрепятственно жить на землях господина, с которым его заключили, что уже само по себе подрывает мнение Палласа о том, что все сельское население было прикреплено к земле на положении колонов, господских или свободных.

Одним из важнейших законов, утверждающих разницу между свободными и частными колонами, он считает рескрипт Валентиниана, Грациана и Валента [С. J. XI, 47 (48).4], который обязывает господ имений отвечать за повинности колонов, родившихся и внесенных в ценз на их землях. Те же, кто имеет маленькие участки, внесенные в ценз под их собственным именем, должны отвечать за повинности сами.

Но и здесь без крайней натяжки трудно усмотреть подтверждение положений автора. Закон вовсе не говорит, что мелкие землевладельцы приравнивались к колонам, а только устанавливает порядок производства ценза и распределения повинностей.

В другом месте Паллас утверждает, что закон Константина [С. J. XI, 47 (48). I], запрещавший привлекать к несению экстраординарных повинностей крестьян (*agricolae*), касался только неимущих, зависимых от господ колонов, и, следовательно, также доказывает наличие разграничения между свободными и несвободными колонами. Но закон этот не говорит ничего подобного. Он только повторяет аналогичные предписания Диоклетиана (С. J. XI, 54. I), как раз говорившего о крестьянах — *rusticana plebs extramuros posita* — вносящих подушную подать и аннону, т. е. именно о свободных крестьянах. Но и закон Диоклетиана является, возможно, лишь дальнейшим развитием положения Модестина (*Dig. L, 1. 35*), который устанавливает, что лицо, живущее вне стен города, на своем поле, жителем — *incola* — города не считается. Повидимому, это положение знаменовало поворот в политике правительства, которое в предыдущие два века приписывало сельских жителей к городам с тем, чтобы они участвовали в муниципальных повинностях и снабжали города хлебом. Так как Модестин был префектом претория императора Максимиана, можно предположить, что это нововведение защищало интересы солдат и ветеранов, происходивших главным образом из придунайских провинций; эти солдаты получали теперь земли в селах и освобождались, таким образом, от городских повинностей. (Обычные иммунитеты ветеранов освобождали их от личных, но не от имущественных повинностей.) Отчасти эти меры должны были способствовать сохранению именно свободных мелких землевладельцев, как резерва для армии.

Примеры такого одностороннего и неубедительного использования источников можно было бы умножить.

Особо надо отметить в этой связи трактовку Палласом законов об иллирийских и фракийских колонах. Автор прав в том смысле, что императоры IV в., продолжая политику императоров III в., пытались довольно долго сохранить крестьянство придунайских областей и Фракии, жители которых считались наилучшими солдатами империи, но указанные выше законы никак нельзя считать завершением этой политики. Как и обычно, Паллас совершенно абстрагируется от тех условий, в которых создавался колонат в этих районах, и, в частности, от событий, происшедших там в последней трети IV в. Эти области дольше всего сохраняли свободное крестьянство и пережитки общинных отношений, так как ни крупное землевладение, ни рабовладение не получили там в первые века империи большого развития. Только с середины III в. рост крупного землевладения и разорение крестьянства пошли там, повидимому, быстрыми темпами. Но так как рабовладение в целом уже находилось в упадке, эти новые собственники эксплуатируют в основном не рабов, а разоренных долгами и налогами крестьян. Императоры IV в. пытались приостановить разорение крестьян, запрещая продавать за долги их инвентарь, скот, рабов. Они запрещали также «сильным людям» принуждать крестьян работать на них, т. е. фактически обращать их в своих колосов.

Но все эти меры мало помогали. Аммиан Марцеллин рисует картину страшного запустения придунайских районов и отчаянного положения их населения. Здесь происходят крупнейшие восстания народных масс того времени — восстание Прокопия и восстание готов. Вряд ли можно считать случайностью, что оба закона последовали вскоре за подавлением этих восстаний. Страх перед массовыми движениями всегда сплачивал различные группировки правящего класса и заставлял правительство, забыв известные разногласия, итти на уступки провинциальной знати. Результатом таких уступок и были, повидимому, законы о фракийских и иллирийских колонах, отдававшие часть крестьян во власть землевладельцев. Оговорка о том, что колоны должны считаться свободнорожденными, служить не ради податей, а ради самой земли, особого реального значения не имела, поскольку в законе о фракийских колонах сказано, что землевладелец должен иметь в отношении их права патрона и власть господина. Тот высокий штраф, который во Фракии и Иллирике взимался за укрытие чужого раба или колона (четверенная стоимость раба вместо обычной двойной и 2 фунта золота за колона вместо обычных 6 унций), позволяет думать, что в этих областях, всегда готовых восстать, надзору господина за всеми подчиненными ему людьми придавалось особо большое значение. Здесь всякий «чужой и неизвестный», как говорится в законе об Иллирике, рассматривался как возможный мятежник, которому не следовало давать приют.

Паллас, не останавливаясь ни на этих прямых указаниях источников, ни на возможных из них выводах и предположениях, сводит, как мы видели, всю проблему колоната в придунайских областях к военной колонизации (которая, кстати, в то время уже имела значение лишь для иноплемennых поселенцев в провинциях) и к замене подушной подати поземельной, что было, повидимому, не причиной, а следствием узаконения колоната.

Непонятно также, на каком основании он отвергает наличие в этих районах у колонов господ, о которых прямо говорится в законах о колонах Палестины и Фракии (СJ. XI, 50, 51) и которые подразумеваются в законе об иллирийских колонах (СJ. XI, 52), поскольку там говорится о наказании колонов, ушедших «к другому», т. е., очевидно, к другому господину.

Не очень убедительно и утверждение Палласа, что на Востоке только неимущие колонны-адскрипции были зависимы от господина и что только в VI в. на Западе колонам было запрещено продавать что-либо из своего имущества.

Уже в 365 г. в законе, распространявшемся на всю империю, говорится, что колон не может продавать не только свое поле, но без разрешения господина не может отчуждать ничего ни из пекулия, ни из собственного своего имущества (С. Th. V, 19. 1). В соответствующем параграфе *lex Romana Burgundionum* (XIV, 6), где идет речь о запрещении рабу и колону продавать свой пекулий, мы найдем ссылку на несохранившуюся статью кодекса Гермогениана. Повидимому, ограничение прав собственности колона возникло довольно рано и вряд ли касалось только одной их категории или одной половины империи. Это было закономерным развитием положения, начавшего складываться еще в III в., когда, по толкованию Павла, колон, получивший часть инвентаря от господина, терял право и на собственный инвентарь, включавшийся в состав инвентаря имени¹.

К концу IV в. в кодексах, а также в литературных источниках, понятие «крестьянин» — *vicanus, rusticanus* — все более сближается с понятием колона. Это и естественно, так как зависимость разных категорий сельского населения от земельных магнатов как на Востоке, так и на Западе все возрастала. Фискальная политика императоров могла только использовать, но отнюдь не создавать это положение. Создавалось же оно именно вследствие тех самых социально-экономических факторов, которые Паллас так безоговорочно отмечает. Они начали действовать уже с середины III в., когда производственные отношения рабовладельческого строя начинают становиться тормозом развития производительных сил. Производительность труда рабов резко падает, классовая борьба обостряется. Фамилия, бывшая основной социально-экономической ячейкой рабовладельческого общества, разлагается. В результате этого, с одной стороны, усиливается борьба собственников за рабочую силу; а с другой стороны, личная связь господина и раба постепенно заменяется связью работника, обладающего своим хозяйством, с собственником его основного условия производства — земли. Рабы и колонны постепенно становятся неотъемлемой частью имения, ремесленники — мастерской и т. п. Налоговая система Диоклетиана лишь закрепляла и углубляла эту связь. Всякого попадавшего в зависимость от крупного собственника — будь то арендатор земли (колон), съемщик жилища (инквилин), должник, клиент, отпущенник — этот собственник старался сделать работником в своем хозяйстве. И чем более разлагались основанные на рабском труде средние и мелкие хозяйства, тем большее количество рабочей силы концентрировалось в сальтусах земельных магнатов, тем более интенсивной становилась ее эксплуатация, тем более стирались различия между различными категориями работников.

Константин, придя к власти как ставленник крупных землевладельцев, юридически оформил создавшееся положение, прикрепив колоннов к земле. Положение земледельцев определилось тем, что они были обязаны «годовыми работами (т. е. барщиной) и установленными по условию аренды взносами»², а это предполагало прикрепление земледельца к земле,

¹ «Сданное имение завещано с инвентарем; инвентарь, который там имел колон, переходит по завещанию. Павел: «Тот ли, который принадлежал колону, или только то, что принадлежало завещателю? Надо особенно подчеркнуть, что (переходит по завещанию) и то, что (принадлежало колону), разве что (у колона) не было ничего принадлежавшего господину» (Dig., XXXIII, 7.24).

² ... annuis functionibus et debito conditionis obnoxii sunt (CJ. XI, 49.2). Debitum conditionis можно понимать только в указанном смысле, так как размер взносов колоннов

сословную неполноправность крестьянства, превращавшегося в зависимое сословие. Если на Востоке колонат несколько отличался от колоната на Западе, если там еще сохранялось крестьянство, связанное с городами, как в качестве арендаторов городских земель, так и в качестве арендаторов земель куриалов, то это объясняется не умением правителей восточной половины империи разработать более совершенную фискальную систему, а тем, что на Востоке — в силу меньшего развития рабовладения в целом — кризис рабовладельческого строя протекал менее остро, города оказались более жизнеспособными, и более жизнеспособными оказались хозяйства, входившие в состав городских территорий. Разумеется, нельзя не учитывать, что и предистория колоната была здесь иной, так как каждая из областей империи развивалась на собственной экономической базе, и хотя результаты этого развития были во многом сходны, но тем не менее особенности путей, какими достигались эти результаты, были разнообразны и пестры.

Императорское правительство, защищая интересы фиска, защищало в первую очередь интересы класса крупных землевладельцев, органом которого оно было. Возьмем, например, вопрос о собственном имуществе колона. Паллас считает, что это был вопрос, обусловленный по преимуществу налоговой политикой. Но вот агроном середины IV в. Палладий, повидимому сам крупный собственник и опытный хозяин, начинает свое сочинение с того, что всячески предостерегает землевладельца от колона, имеющего собственную землю. Он пишет, что сдающий участок такому колону наживет только убытки и тяжбы. Очевидно, такой колон, занятый собственным хозяйством, меньше поддавался эксплуатации и, возможно, отказывался работать на господской вилле, обрабатывавшейся уже в основном трудом не рабов, а колонов, о которых Палладий говорит как о *rustici* — крестьянах.

И, конечно, естественнее предположить, что правительство шло по линии превращения владения колона в зависимый от господина пекулий, примеры чему мы уже видели в кодексах, нежели утверждать, что императоры охраняли собственность колона из фискальных соображений, чему мы не видим примеров.

Паллас старается доказать на основании кодексов, что положение колонов на Востоке, вследствие все той же «фискальной мудрости» восточных августов, было гораздо лучше, чем на Западе, что оно вообще было довольно хорошим. Но этому противоречат данные, которые можно почерпнуть из многочисленных источников, в том числе и из речей Либания. Так, например, в речи о заключенных Либаний пишет, что некоторые землевладельцы обращаются с теми, кто обрабатывает их землю, как с рабами, а если эти люди осуждают господ, их заковывают и отправляют в тюрьму как соучастников разбойников¹.

О тяжелом положении колонов свидетельствует и ожесточенная борьба, которую вели восточные земледельцы всех категорий со своими угнетателями. Участие малоазийских крестьян в восстании Прокопия, мятежи исавров, выступление сирийских «разбойников», бегство сельского населения Востока к отшельникам пустынь и гор — как объяснить все эти и многие другие аналогичные факты, если признать благополучным положение восточных колонов и крестьян (которых Паллас соединяет в одну категорию; но скорее для того, чтобы доказать благополучие колонов, нежели чтобы выявить пути деградации крестьянства)?

определялся некогда существовавшими договорами; установленный обычай в принципе не могли нарушать ни колон, ни землевладелец.

¹ Либаний. Речи. Перев. С. П. Шестакова. Речь XLV. Казань, 1913, 4—5.

Неверно также выводить власть владельца домена из его функции сборщика податей. Эта власть фактически была уже достаточно реальна в III в., а может быть и раньше. Ведь еще к Плинию младшему его колонны обращались со своими жалобами, просьбами, тяжбами. В III в. в сознании современников колонны уже почти совершенно слились с рабами: кредиторы, например, считали, что они могут требовать с господина долг колона, а с колона долг господина, так как предполагали, что колонны, как и рабы, уже не имели собственности, отличной от собственности господина. Нормы, сложившиеся в рабовладельческом обществе для регулирования жизни фамилии, а также старинная клиентелла неизбежно должны были во многом определить характер взаимоотношений собственника со всеми зависимыми от него маленькими людьми. Реакция, ознаменовавшая правление Константина и ставшая возможной вследствие разгрома галльских и африканских повстанцев при Диоклетиане, снова чрезвычайно усилила власть главы фамилии, включавшей теперь всех зависимых людей. Государство передало магнатам не столько свои фискальные функции, сколько функции подавления. И именно могущество крупных possessоров, которым почти не противостояли ни города, ни средние и мелкие хозяйства, вскоре сделала для них центральное правительство почти бесполезным и даже — поскольку оно выдвигало притязания на долю прибавочного продукта колоннов (в форме налогов) — обременительным. Это и выразилось в появлении многочисленных «узурпаторов» в западных провинциях. Передача же владельцам доменов функций сборщиков налогов была не причиной, а следствием роста их реальной власти над населением домена.

На Востоке же, где социальные противоречия были сложнее и многообразнее, государство опиралось на различные группы правящего класса, более искусно лавировало, шире применяло социальную демагогию.

Пренебрежительное отношение автора к социальным моментам определило и его взгляд на судьбы колоната после падения Западно-Римской империи. Одержимый идеей о всепоглощающей роли фиска, он не анализирует ни реального взаимоотношения сил «варваров», римских possessоров и земледельцев, ни условий экспроприации земли в разных областях Запада, ни влияния завоеваний на положение масс, ни их борьбы с римскими магнатами и «варварской» аристократией в тех случаях, когда последняя являлась союзницей знати Италии и провинций, ни, наконец, положения и социальной дифференциации самих завоевателей. Его вывод, что и в VI в. колонат был только смягченным рабством, основан только на букве юридического источника, который в то время уже не отражал в полной мере реальных отношений.

Таким образом, мы видим, что рецензируемая работа является типичным образцом исследования буржуазного историка, искажающего историческую действительность.

Е. М. Штаерман

J. VOGT. CONSTANTIN DER CROSSE

München. 1949. S. 303

Автор рецензируемой книги немецкий профессор И. Фогт в настоящее время занимает кафедру в Тюбингенском университете — одном из университетов Западной Германии. Это во многом определяет его воззрения, в которых своеобразно сочетаются разбитые идеи нацистского расизма,